

Пьер Шассар

ФАШИСТСКИЙ КАТОЛИЦИЗМ КАРЛА ШМИТТА

По словам Карла Шмитта, которого в действительности звали Карл Шмитт-Доротич, тесная связь политологии и богословия состоит в том, что последнее полностью определяет первое. Воистину, наивысший критерий при принятии политических решений находится в области теологических императивов, иными словами, политическое действие, а равно и политический противник, должны быть обозначены согласно одному вероисповеданию, и, конечно, в данном конкретном случае согласно вероисповеданию Карла Шмитта, т.е. согласно христианскому вероисповеданию в его католической ипостаси.

Этот противник будет определен не по его экономическим или общественным намерениям, но в соответствии с его идеологией или его метафизикой в значении вероисповедания, которое противопоставлено иному вероисповеданию, то есть христианско-католической вере Карла Шмитта. Его противник находится в плоскости теологической, ибо все, что с ним связано, определено верой. Война в своих политических и военных проявлениях – это не более чем война вероисповеданий, т.е. религиозная война.

Враг, по существу, один из приверженцев другой религии, а не истинной веры, которой для Карла Шмитта является только католицизм. Иным по отношению к врагу есть неверующий, верующий не истинно, еретик. Он представляет собой зло в себе и подлежит уничтожению. Это первичное разделение между верой и неверием, между верующими и неверующими является архетипом разделения на врагов и друзей Карла Шмитта. Это архетип существования, который имеет фундаментальное значение.

Карл Шмитт с его агрессивной враждебностью – а он на понятии друга долго не задерживается – Бакунин на фоне прекрасно продемонстрированной природой религиозных различий между другом и врагом. Они свидетельствуют, по крайней мере, о характере конфликтного отторжения первого по отношению ко второму. Для Шмитта Бакунин является абсолютным воплощением иного, исчадием ада, радикальной противоположностью, явной, а не потенциальной угрозой божественному порядку иерархий, который он сам и защищает: атеизм против слепой веры в откровение, принцип анархии против принципа (божественного) авторитета, анархического гуманизма против теологизма подчинения.

Свою доктрину Карл Шмитт определил как политическую теологию. Термин «политическое богословие» с богословием на месте существительного показывает, что в этом определении имеет решающее значение. На первое место он ставит истину, которая является субъективной, но которую он возводит в ранг абсолюта. Это так называемая истина откровения, истина веры, которая неизбежно приводит к тому, что лица, не разделяющие эту веру, будут считаться врагами. Главный враг именно тот, кто не обладает верой, и ставит под вопрос то, что очевидно для верующего. Исповедующий иную веру – он шествует в иных местах. Возвращаясь, он остается практически там же, где началось его путешествие.

Если вера в откровение определяет теоретическое различие между врагом и другом, она же определяет и практическое поведение, которое возникает из этого различия, – так теология становится политической. Карл Шмитт связывает откровение и политику настолько тесно, что, в каком-то смысле, одно превращается в другое. Для него теология – политика высшей пробы, и наоборот. Между ними не бывает границ. Существует генетическая преемственность без разрыва между богословием и политикой. Борьба с врагом одновременно и религиозный, и политический акт, но прежде всего религиозный – из-за старшинства и вездесущности религиозного начала. История, направляемая провидением, которое наделяет ее неделимым единством, есть конкретизация более сильной веры средствами экстремальной политики. Она началась с неподчинения богу, а закончится судом божьим.

Борьба, которую ведет главный оппонент, антирелигиозна. Направленная против бога, она, по существу, является сатанинской. Но в конце ее дьявол будет низвержен. В настоящее время сатанинским противником в схватке с богом, а антихриста с Христом, в первую очередь является либерализм. Марксизм, по словам Карла Шмитта, только своеобразное применение либерального мышления XIX века. Либерализм – это не только (и не столько) экономическая система, но новая вера, идеология и двигатель мирской антирелигиозной деятельности, теория линейного прогресса, ведущая людей от религиозного мракобесия к просветлению, доктрина неограниченной власти над природой и всеобщего счастья. Победа безрелигиозного либерализма станет победой промышленно-коммерческого общества, которое противопоставило себя государству и богу, она станет победой над политической теологией.

Карл Шмитт выступает, прежде всего, против безрелигиозной и, следовательно, антирелигиозной идеологии, которая определена природой либерализма – в совокупности с ее основными экономическими, промышленными, меркантильными, техническими, гуманистическими и прогрессивными признаками.

Термин «безбожное человечество» сам по себе является антирелигиозным из-за того, что он заменяет божество, которое становится пассивным наблюдателем поступательного хода истории, человечеством.

Карл Шмитт выступает против того, что он называет псевдорелигией абсолютного гуманизма (Доносо Кортес, «В общеевропейской интерпретации», Кельн, 1950).

Теория прогресса является отрицанием креационистского и застойного мира и устранением бога-творца, ибо человек творит себя и перестраивает мир вокруг себя сам в ходе дикого и беспокойного приступа активности, направленного на создание земного рая, в котором воцарится совершенный материалистический гедонизм. Карл Шмитт, отвергая природный трансформизм, утверждает, что все то, что не от бога, есть оплот греха (отсюда и его отказ от концепции прогресса человечества).

Враг, говорит Карл Шмитт, определяется верой. Он характеризуется метафизикой, а не социальной целью. Это относится и к либерализму. Это верно и для марксизма – заблудшего дитяти либерализма. Вот почему марксизм – враг всего лишь второго плана. На руках у него теория истории социума как классовой борьбы, которую он протащил в либеральную теорию прогресса и счастья, а его мирская теория уступает под натиском экономики и технологий, которые оформляются по отношению к истинной вере как ересь.

Карл Шмитт отклоняет идеологию универсальных счастья и вечного мира в едином бесконечно воплощаемом мировом государстве. В определенном смысле такое отклонение противоречиво, ведь римский католицизм как раз и представляет собой религиозную и политическую доктрину универсализма и единого неделимого человечества, созданного по образу и подобию творца, а монотеизм, пусть и далекий от троиственности, несет в себе божественную монархию согласно принципам единого бога, единого мира и единой империи. Но отклонение Шмитта когерентно, когда речь заходит о мире, в котором хотя бог и правит, а дьявол с самого начала ему противодействует в ходе разрушительной борьбы, которая сеет раздор между поколениями с тем результатом, что в ней отражается двойственность войны. Эта двойственность исчезнет с поражением дьявола, в конце времен. Следовательно, вечный мир на земле можно полностью исключить. Есть еще одна причина, по которой мир будет оставаться политически оформленным: метавселенная, утверждает Шмитт. Сущность политики подразумевает множественность государств, что в области религии эквивалентно политеизму, а не монотеизму.

По другую сторону – универсалистское государство, либеральное или марксистское, вне какой-либо политической теологии, победа антихриста, антихриста, который не может побеждать бесконечно, чье правление, следовательно, сколь долго бы оно не длилось, будет лишь временным.

Карл Шмитт обращен исключительно к христианско-католической вере в откровение, к уверенности в том, что Иисус есть Христос. Это та единственная референция, которая определяет и укрепляет его антисемитизм. Религиозная референция, а не этническая, для которой народ является высшей ценностью, и которая, по меньшей мере, устранила бы его противоречия с сионизмом. Это отразилось в нападках Шмитта на еврейских авторов, включая, прежде всего, Спинозу.

И вправду, такое положение дел подрывает требование Шмитта относительно преемственности между католической верой и политикой, христианским богословием и политикой; требование, в котором он отстаивал свободу философской мысли («Богословско-политический трактат») и доводил до крайности мельчайшие различия, на которые указывал Гоббс: между государственной властью и личным благочестием, между культом государства и уважением частной сферы, между внешними атрибутами государства и внутренней жизнью индивида. Так он вызвал раскол единого государства Шмитта и веры религиозного человека, свободой мысли индивида ограничил государственную власть, сведя ее к внешним, поверхностным атрибутам. К этой идейно-религиозной позиции восходит личный антисемитизм Карла Шмитта в его рассуждениях о еврейском присутствии в юриспруденции. Указ фюрера от 14 октября 1933 г. «О терпимо-

сти» вряд ли восхитил Карла Шмитта, потому что он строго разграничивал сферы политические и религиозные, считая первую достоянием народного сообщества с воспитанием политической культуры в качестве главного приоритета. Карл Шмитт отказывался признать противоречивый характер своей позиции. В свое время Ницше подверг критике христианских антисемитов как духовно оживленных их семитской верой. «Христианство – это иудаизм для народов, которые объявляют себя антисемитами», – говорил Дизраэли. Карл Шмитт не мог признать правильность замечания Людвиг Клагеса, которое поставило его в нетерпимое положение. В противном случае он оказался бы на одной планке с евреями-антисемитами – существами странной шизофренической природы.

По Карлу Шмитту, характерной чертой безрелигиозного либерализма является также отказ от государства. Марксизм с его теорией отмирания государства тоже приходит к этому. Для них, следовательно, отказ от политики равносителен отказу от политического богословия, ибо государство в лице князя или ассамблеи представляет божественную силу, как и иерархическая система, которой она основана. В этом смысле либерализм и марксизм одинаково направлены против государства, то есть на благо нечестивого и антигосударственного анархизма, в котором власть не соотносится со святостью, богом, государством.

Политическая теология, напротив, невозможна без осуществления государственности, и даже очень сильной государственности. Отсюда восхищение Карла Шмитта итальянским фашистским государством, которое он ценит гораздо выше немецкого национально-социалистического государства (см. «Природа и становление фашистского государства»). Тоталитарное государство, апологетом которого выступал Шмитт, то, в котором реализованы тождества государства и социума. Его влияние распространяется на все области человеческой деятельности (Карл Шмитт, «Концепция политики», 1963, Duncker und Humblot, Берлин).

То, что в Германии осталось великой философской теорией государства, утверждает Шмитт, а именно гегельянство, было реализовано в Италии, так как Муссолини осознал необходимость в верховенстве государства перед лицом частных, расходящихся и расщепленных интересов. Верховенство государственной власти гарантировано иерархической и мощной политической организацией. Только сильное и авторитарное государство может служить нации – не сдаваясь и не отступая перед запросами капитализма. Мягкое парламентское государство, погрязшее в обильной риторике, – лучший слуга самых заветных частных интересов. Его слабости полнее всего раскрываются в противостоянии с более мощным экономическим противником.

Являясь совокупностью сдержек и противовесов, уловок и обманов, либерализм ослабляет государство, делает его слугой экономических интересов, демократичен он только на вид. Фашистское государство Муссолини стремится быть действительно государством с правильными вождями, а не государством, которое бандой безответственных политиканов или марионеток в руках спонсоров как бы управляется. Фашизм не есть антипод демократии, говорит Карл Шмитт, он лишь враг косвенной власти, которая из-за кулис определяет политику государства в интересах определенных частных интересов. *Stato totalitario* Муссолини бросает вызов либеральному разложению подлинного народовластия, вызов разрушительным методам либеральной буржуазии. Демократический принцип требует, чтобы люди принимали решения и обладали всей полнотой власти, в либеральной демократии народ суверенитетом обойден. Политические решения тайно принимает меньшинство, а не народ. Вот почему либеральная демократия – это народовластие без народа, и, следовательно, это ложное народовластие.

Карл Шмитт понимает народ по-особенному: как совокупность людей, которые собраны вместе и политически объединены сильным доминирующим государством. Гарантом данного собрания выступает миф о нации. Шмитт признает, что национальный миф сильнее социального мифа с его классовой борьбой. Но оба они в его глазах лишь мифологии, отклонения, ошибки и ереси по отношению к истинной вере («Духовное состояние современного парламентаризма», 1921-1926).

Если бы мы пожелали определить характер политической концепции Карла Шмитта, ее следовало бы назвать католическим, а не просто религиозным фашизмом. Некоторыми нюансами она напоминает Гегеля, для которого государство – современный дух божественного волеизъявления, дух, который развивается в соответствии с реальной формой и организацией мира («Основы правой философии»), а народ – совокупность людей, не знающих, что им требуется. Кроме того, она соотносится, но лишь отчасти, с теми из коммунистических государств, которые до своей теоретической кончины были реальной авторитарной практикой, от начала и до конца оставаясь абсолютным хозяином экономики и культура. Официальный атеизм режима превращал такую страну, по словам Шмитта, в инструмент дьявола, или во врага богословия.

Как соотносятся народ и государство в политической теологии Карла Шмитта?

Она подчиняет народ государству, как свидетельствует название его работы «Государство, движение, народ». Его теория тотального государства делает это единственное государство определяющим элементом политики с постоянно действующей ссылкой на католицизм, его ценности, его трансцендентного бога с его провидением. Согласно богу, его государство – как у Гегеля и в фашизме Муссолини. В дополнение к государству, или, вернее, под ним, народ практически ничто. Порой Карл Шмитт говорит о народе, рассматривая его как массу, которая может быть объединена только политически и фашистски, но никогда согласно своей собственной природе. В самом деле, люди – аполитичная анонимная масса в управлении государства, которое обожествляют по-гегелевски.

На этой территории Карл Шмитт заблудился подобно либерализму и марксизму, выдавая себя при этом за противника последних. Только государство образует нацию, откуда оно взялось, объединив всех и вся, и почему, кто все эти люди, и откуда они пришли – эти вопросы остаются без ответа. Такой подход аналогичен подходу мультирасовых США или Французской республики, которые сегодня без разбора принимают и ассимилируют отребья со всего света. Подобные искусственные конструкции полностью противопоставлены национальному государству, в котором нация, т.е. народ, на первом месте в качестве природного, расово характерного сообщества, отданного на милость государства, которое поставлено ему на службу – ведь такое государство не цель, а средство. Карл Шмитт, однако, одержимый своим воинствующим католицизмом, не приемлет этого. Ибо это станет предательством его политической теологии и религиозного безумия. Государство-нация не обожествляет государство, но и не стремится к его ликвидации. Напротив, достаточно сильное государство является необходимым для организации нации, придания ей формы и структуры, осуществления ее внутренней и внешней политики. Но оно вторично по отношению к природному национальному сообществу, которое является абсолютно главенствующим эталоном, определяющим все прочие ассоциации.

Позиция Карла Шмитта в этом вопросе диаметрально противоположна такому народническому взгляду на государство. Согласно тому, что он в 1914 году написал в «Государстве и важности индивидуального» (Molte, Тюбинген), государство не является чем-то таким, что люди создают для себя сами. Государство происходит от бога, оно важнее людей, и поэтому оно над ними. В соответствии с богом, государство – абсолют, или, скорее, оно является земным воплощением божественного абсолюта; народ же лишь безымянное и бесхарактерное стадо, которое станет жертвой высшего божества.

Такая подрывная деятельность Карла Шмитта в интересах католицизма против национал-социалистического режима не осталась незамеченной. Она состояла в попытке реставрации принципа монотеизма как единственно возможного, и его превалирования над народом. Его попытка превратить народную политику в политическое богословие потерпела полный крах. Карл Шмитт, считавший себя умнее теоретиков партии, был отстранен от основных функций, которые он выполнял в государстве.

Перевод с нем.: Петр Кузьмичев

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).